

Она, как восточный экспресс. Поезд идет на запад, мелькают Лондон, Париж, Вена, Нью-Йорк, мимоходом Италия. Танцует на балу у Габсбургов, дружит с парижскими кутюрье, открывает художественные галереи и копаются в архивной пыли на фабриках, наставничает в Лондоне и преподает в Америке. Но восточный ветер приносит ее в Москву. И она появляется — романтичная, стриженная под мальчика, в широкой куртке и обтягивающих леггинсах, звеня на шее бубенчиками тибетских монахов.

Искусствовед, историк моды, исследователь таин Востока Елена БЕСПАЛОВА.

Судьба стать модницей подстерегала ее с детства. Сначала любимая тряпичная кукла, который хозяйка пудрила самодельные волосы из брючной тесьмы и шила платья с рискованными вырезами времен мадам Помпадур. Просто так, по наитию. А потом эффект появления перед соседками-старушками старшей сестры Гали — в узком коротком платье с геометрическим рисунком и с зелеными волосами в прическе. Столбняк соседей и Галин фуор не оставили сомнений в дальнейшей творческой судьбе. Елена отдала себя истории костюма.

— Елена, за что вы любите моду? — Чем больше я занимаюсь ее историей и вижу завихрения и предассудки моды, чем больше открываю коробочек с сюрпризами, тем больше я убеждаюсь в том, что мода — это человеческая стихия, которая человеку неподвластна. Мы можем догадываться и рассуждать, но никогда не сможем предугадать, какая сила укоротит наши юбки этой ночью... За эту тайну я и люблю моду.

Ей неоднократно предсказывали погибель и пытались жестоко регламентировать. Но тщетно. Наполеон I пытался укротить англоманию французов и запрещал шить платья из английского муслина, но муслин везли контрабандой. Наполеон III, чтобы улаживать ткачей, приказал шить платья из лионского шелка. Ткачей он не усмирил, платья не переделал.

Когда кутюрье в момент оккупации Парижа немцами опозорили себя сотрудничеством и Франция терзалась между любовью и ненавистью к Кокко Шанель, любившей немецкого офицера, казалось, дни кутюрье сочтены. Но Франция простила Кокко и "от кутюр" выжил!

Старались и наши соотечественники. Особенно успешно Петр I. Но его пытался догнать и Владимир Ильич Ленин, который в конце 17-го года наряду с важнейшими документами подписал таинственный указ об обеспечении пролетариев "прозодеждой".

Что такое на самом деле "прозодежда" — не знает никто. Сегодня принято считать, что этот термин предложили художники-конструктивисты, когда в 20-х годах изобрели униформу на все случаи жизни. Но декрет Ленина со словом "прозодежда" уже существовал в начале 18-го года, а первые эскизы художников-производственников появились только в 20-е годы! Я прихожу к выводу, что это коммунистическо-бюрократический термин для одежды пролетария в отличие от одежды буржуазной.

Любовь Попова предлагала "прозодежду" актера. Чтобы не делать костюм для каждого спектакля, чтобы было в чем в очереди за продуктами стоять и чтобы он в этом же на сцене выступал. Есть знаменитые эскизы "прозодежда актера №5" и "прозодежда актера №2". Прямые широкие брюки (неважно, мужчина это или женщина), удобная широкая блуза без воротника и манжетов. В это время актеры на сцене практикуют биомеханику Мейерхольда и им нужны сноровка и смекалка. В своей "прозодежде" актер должен уметь и стойку на руках сделать, и кувырок назад, и объясниться в любви, стоя одной ногой на заградочной машине в виде мясорубки.

Этот вклад конструктивистов в моду и у нас, и на Западе считается очень значительным, чуть ли не революционным. Но парадокс и трагизм движения конструктивистов в том, что они считали себя производственниками, пытались делать одежду для пролетариев и пролетарок, но были оторваны от реального производства.

Они разработали геометрический орнамент. Я читала протоколы худсоветов, где Варвара Степанова говорила, что орнамент цветочный — буржуазный, а орнамент геометрический — вневременной. В 21-м году они пришли на первую ситце-набивную фабрику и пытались внедрить в производство текстильные геометрические рисунки. Но фабрики после войны еле-еле выпускают шинельные ткани. Основным покупателем тканей является деревня, где по-прежнему любят и носят цветочный орнамент, а остальная часть ткани вообще производилась для Средней Азии. И пролетарские художники-производственники оказываются намного дальше от производства, чем их буржуазные коллеги.

А каким шоком было для Александра Родченко (это муж Варвары Степановой и тоже автор многих геометрических эскизов), когда в 25-м году в Париже, приехав на выставку декоративного искусства, он увидел в магазинах рулоны геометрических тканей. Оказывается, те же идеи приходили в голову и буржуазным художникам.

В XX веке мода кардинально изменилась. Она стала удобной. На протяжении трех веков женщины носили корсеты, а в XVII веке и мужчины в Испании были в корсетах и штанах на вате. Об удобстве не думали совсем. Но и сейчас, когда люди одеваются, они в первую очередь соображают, насколько это красиво, престижно, элегантно.

— Но, может быть, мы преувеличиваем роль одежды? И мода — лишь стремление человека пофактнее прикрыть свою наготу. А когда человечество наконец придет к согласию с самим собой, то и роль моды значительно уменьшится?

— Если бы человек думал только о тепле, то мы бы так в шкурах и ходили.

Одежда — не просто прикрытие срамных мест и средство защиты от холода. Цвет, элемент костюма образуют особый язык, который сообщает нам социальную роль владельца костюма и его претензии.

Например. Двор ослепительного короля Людовика XIV. Платье дамы означает ее ранг при дворе. Только любовница короля может позволить себе такие-то бантики и золотое шитье. Когда ме-

жду придворными случается роман, чулки кавалера обязаны быть того же цвета, что и банты у дамы, что сигнализирует об их чувстве.

В средневековье, когда рыцарь отставив честь дамы на турнире, он был одет в цвета ее герба. Черный цвет до сих пор цвет траура и вместе с тем вечерний цвет, причем в мужской одежде это единственный вечерний цвет. Когда мужчина надевает фрак или смокинг, или токседо — это черный цвет. Пытались вводить другие цвета, но ничего не удается. Вечерняя одежда и для женщин, и для мужчин — черного цвета. Правда, сейчас черный немного всех притомил. И журналы объявляют, что белый сегодня — это черный вчера. И если придерживаться белого и черного и хранить их в своем гардеробе и выпускать своевременно, то можно всегда быть модной и никогда не скучать. Сменив черный на белый и наоборот, всегда чувствуешь возбуждение и ликование.

Любителя надевать мужской костюм. По тогдашним правилам женщина не могла появиться в театре в партере, Жорж Санд надевала мужской костюм и на равных общалась с мужчинами в театре. Любовница Бальзака инкогнито путешествовала с ним и носила мужскую одежду, изображая его камердинера. Но для того, чтобы официально носить брюки, требовалось разрешение префекта Парижа. Обычно такие разрешения выдавались женщинам с дефектами, например, бородастым. Но было исключение. Любовница Наполеона III проходила мимо гвардейцев, охранявших королевский дворец, помахивая специальным разрешением на ношение мужского костюма. Так было удобнее, не привлекая лишнего внимания, проходить к королю.

Брюки овладевали женщиной, когда появились велосипеды. Новое увлечение требовало новой одежды. И хотя женщины перед этим два века скакали на лошадях, посадка на лошади с раздвиг-

— В свое время как искусствовед делала книги и каталоги для художественных выставок. Много лет назад я познакомилась с дизайнером Ричардом Нейпиером. Когда я приехала к нему во Францию, он познакомил меня со своими друзьями. Все они были стилистами Пьера Кардена. Это люди, которые делают одежду под именем Пьера Кардена, отказываясь от своего авторства. Ричард в 80-е годы делал треть карденовских платьев.

Как правило, первая десятка кутюрье — это только имена. Та же фирма "Диор", но Диора давно нет, есть реальная сила — Жан Франко Ферре. Но когда он выдохнется, то наймет десять итальянцев и восемь англичан, и они будут делать ему платья. Вот с людьми этого круга я как раз и общаюсь. От них я узнаю законы моды изнутри.

Во-первых, они извлекли меня от ощущения, что я должна следить за модой, каждый сезон обновлять гардероб и менять линию костюма. Я по-

да диктовала мне этот стиль. Черный клин маскировал эпизодические подробности. И весь наряд балансировал между вызывающим и скандальным. Но скандала не произошло.

Ричард Нейпиер познакомил меня с другим стилистом — Серджио Альтьери. Он увлеклся портретной фотографией. Он меня гримировал, одевал и ставил свет. И я превращалась в разных женщин, сама не узнавая себя. Эти фотографии остались у Серджо, он их повесил на стену. Потом, когда к нему приходили профессиональные фотомодели сниматься, и если они дурили и плохо работали, он говорил: "Вот, посмотрите, как московская чиновница работает". Тогда я работала в издательстве и для него была чиновницей.

Его платье из мягкого чувственного шелка с рисунком в виде золотой клеточки я ношу до сих пор. Многие вещи я надеваю в память о людях, которые мне их дарили, с которыми меня связывала жизнь.

— Елена, а не испытывали ли вы чувства дискомфорта от того, что все эти люди в общем-то равнодушны к женщинам?

— Этот вопрос никогда не обсуждается...

Но поразительно, что в моде и в мире существует такой парадокс — мужчина, который равнодушен к женщине, всегда заметит, во что она одета, было ли платье ей к лицу, какие духи, как она накрашена, то есть была ли она привлекательной. А тот мужчина, для которого все это сделано, может этого и не заметить.

Ткань имеет чувственный аспект. Женщина ощущает, шелковое или бархатное платье на ней надето. Вот мужчины, которые чувствуют это, как женщины, и приходят в моду. Как правило, у них повышенная чувствительность к красоте и отсутствие интереса к женщинам.

Но среди модельеров сейчас появилась очень талантливая плеяда женщин. Причем это звезды первой величины. В Америке — Донна Каран. Это та женщина, на которую мы все должны молиться, потому что это она позволила нам носить мягкие обтягивающие брюки, сняла с них клеймо нижнего белья и непристойности. Она сказала, что богатые женщины, которые достигли успеха, одеваются так. И сделала трикотаж такую роскошь. А ведь до этого считалось, что трикотаж — второй сорт, что-то низменное. Она реабилитировала трикотаж, как когда-то Шанель.

Или Анн Тейлор. Она модельер и владелец огромной сети магазинов.

Эти женщины сами поднимались из низов, потому что карьеру модельера нужно выгрызать зубами. Мало таланта: нужна неслыханная хватка. Они создали свою моду, которая отличается от мужской, потому что только женщина знает, как сложно соединить удобство, красоту и время. Эта мода освободила женщин от комплексов, сделала их более привлекательными. Идея современной женской сексуальности пришла в моду через женщину, на мой взгляд. Вот недавно Лагерфельд признал, что лучше всего женщина выглядит в леггинсах и пиджаке, потому что становится легкой, динамичной и привлекательной. Идеи витали в воздухе, но шли они от женщин.

Донна Каран живет в счастливейшем браке. Она сама принимает участие в своей рекламной кампании, часто снимается вместе с мужем в очень откровенных позах. Она демонстрирует свое высокое положение и одновременно счастье в супружестве.

Сейчас в Америке очень многие фотографы делают предметом искусства стареющее женское тело. И когда женщины-фотографы снимают других обнаженных женщин, то это кажется очень красивым.

— А вы снимались когда-либо обнаженной?

— Сейчас "боди лентвидж" — очень модная тема в Америке как на интеллектуальном уровне, так и среди фотографов. Ее исследуют философы и психологи, пытаются осмыслить, что сообщает один человек другому тем, как он садится, встает, закидывает ноги.

Я снималась у очень известного фотографа Голливуда Дагласа Кёркленда. Сначала он захотел сделать мой портрет, ему понравилась стрижка в стиле 20-х годов. Но меня предупредили, что на самом деле он делает книгу об обнаженной натуре. Я была к этому готова и на всякий случай сделала педикюр.

После портретных съемок он предложил посмотреть, чем он сейчас занимается. Он снимал беременную женщину, ребенка. Там были очень красивые тела и очень некрасивые. Но я поняла, что раз я никогда не снималась до этого обнаженной, то или сейчас, или никогда. И согласилась.

Сейчас я хорошо отношусь к себе, к собственному телу. Хотя в юности очень страдала от того, что считала себя полной по сравнению с Твигги. Я помню комплексы семнадцатилетней девочки и врагу не пожелаю этого пережить. А сейчас лет двадцать моя фигура не меняется. Я иногда надеваю теннисные юбки со школьных времен.

Свобода приходит гораздо в более зрелом возрасте. В юности ты часто действуешь по каким-то заземленным правилам и еще не знаешь того, что хорошо для тебя. Сейчас я себя знаю и знаю то, что мне нужно. Я даже не стремилась найти в одном мужчине гармонию всего. Требование к мужчине-спутнику в жизни одни, а требования к мужчине на один вечер совсем другие. И тут надо выбирать.

Я не люблю насилия над собой. И не одобряю нынешнюю моду прокалывать свое тело, наносить рубцы, татуировки, вставлять кольца в интимные места. Правда, России эта мода, я думаю, не грозит. В нашей мазохистской по содержанию стране садо-мазохизм крайних форм распространение не получит и не получит, судя по всему.

А вот в Калифорнии я пришла в ужас. Там на каждом шагу делают татуировки и пирсинг. Я видела одну лавочку, где татуировки делают даже собакам — куда только смотрят "зеленые"! Я отношусь к телу, как в античной культуре, и любая дырка нарушает гармонию. Шрамы, проколы делают тело менее совершенным. Все это влияние рабской психологии Востока.

Так сказала женщина в кожаных брюках и восточных перстнях, позванивая тибетскими колокольчиками, потом надела пальто в стиле шинели и растворилась в московской дымке. Сейчас ее экспресс отправляется в Италию.

Беседовала Яна ЖИЛЕВА.

Моск. комсомолец, 1994. - 5 нояб. - с.2.

ЖЕНЩИНА В СТИЛЕ РОМЕО

Елена Беспалова: "Мода и стыд — понятия несовместимые"

XVII век. Порочная мода. Пышные парчовые ткани из "золота" и "серебра". Много розового, зеленого, голубого шелка. А черный цвет — одежда нотариусов, в те времена людей бедных.

В XVII веке черный приобретает некоторое благородство. Пышный королевский двор в Испании. Вот империя, над которой никогда не заходит солнце, все золото Америки и колоссальные территории в Европе принадлежат Филиппу II. И что мы видим на картинах Веласкеса? Он всегда одет только в черное. Жемчужная серо-розовая гамма для женщин и серо-черная для мужчин. Филипп II одет в черный бархатный камзол с белым пышным кружевным воротником, и так же — все идаго Испания. Черный цвет становится аристократическим.

Но во Франции в XVII и XVIII веках черный по-прежнему цвет низов. Но именно он способствует тому, чтобы грань между аристократией и буржуазией стиралась. После Великой французской революции появляется новая одежда для мужчин — фрак и сюртюки черного цвета. Обедневшая аристократия выходит замуж за пруссавшую буржуазию. Во что будет одеваться муж родовой жены? В черное! Буржуазия сливается с аристократией — на свет появляется новая одежда.

Французская революция отменяет цеховые правила, по которым предмет нельзя было тиражировать. Появляется массовое производство готовой одежды, "конфекцион". Сносятся трущобы, возникают Парижские бульвары, где можно себя показать и на других посмотреть. Мода вырывается из дворцов и выходит на улицу!

Войны и революции, как ни кощунственно это звучит, очень благоприятно влияют на моду. Рождается вихрь новых идей — и все меняется в одно мгновение.

После наполеоновских войн все женщины надели прозрачные туники. Амбир. Все обращается за вдохновением к античности. Но античная одежда была белой из-за дороговизны красителей. Красный и фиолетовый тона считались царскими, и только низ тоги можно было окрасить пурпуром. Но когда в XIX веке все восторгается античностью, то ткани красятся в разные цвета — все оттенки белого, слоновая кость, бледно-желтый и бледно-зеленый.

Восторг перед античностью французы позимствовали у англичан, а от французов — вся Европа. В туниках у женщин просвечивали ноги. То есть было нарушено обязательное правило XIX века — закрытые женские ноги. Все российские газеты 20–30-х годов кричали о бесстыдстве.

— И кто-нибудь устыдился?

— Конечно, нет. Мода всегда подвергалась нападкам. То ее упрекали в излишней роскоши. Известен случай, когда во времена раннего средневековья один шут во время разговора двух придворных умудрился прибить к полу длинные закрученные носы их башмаков, так он высмеивал модные излишества. Потом моду упрекали в безнравственности. Ведь до моды амбир руки в костюме тоже были закрыты. Сначала открылся локоть — и его сочли очень эротичной частью тела. Мужчина целомудренный целовал женщину в руку, а ветреный, претендующий на отклик, целовал женщину в локоть. Обнаженная рука служила эротическим целям и возбуждала. Потом моду стали упрекать во вреде здоровью: на балах сквозняки, а распоренная женщина после танца выходит полуголая на балкон и может простудиться!

Но мода не знает стыда, она делает недозволенное дозволенным в одно мгновение. Человек меняет свои взгляды, не успевая этого заметить. И в одно мгновение женщины снимают платье-панцирь и надевают туники.

Феминистки возражали против корсетов, потому что видели в них клетку для женщин. И эта клетка отражала эротический идеал мужчины — тонкая талия и пышные бедра. Посадив женщину в такую клетку, мужчина становился тираном. Потом феминистки, естественно, отстаивали право женщины на ношение брюк. Но женщины откликнулись довольно вяло. Во Франции в 70–80-е годы XIX столетия женщины могли арестовать за ношение брюк. Парижские полицейские архивы хранят такую информацию. Но известно, что Жорж Санд

нутыми ногами считалась вопиюще бесстыдной. Вот почему женщине придумали неудобное седло и амазонку. Но тем не менее в амазонке под платьем были замшевые брюки, хотя они и не требовались.

Женщина, которая катается на лошади в конце XIX века в Булонском лесу, все равно носит амазонку. Но там встречает велосипедистку в брюках. Наряд для верховой езды освящен веками, это модная и элегантная одежда, которую никто не меняет. А вот велосипед — это что-то новое. И для него разрабатывают широкие штаны-шаровары, их называли блумеры. Эти же блумеры предлагали перед этим феминистки. Они считали наиболее женственным такой вариант: пышные брюки чуть ниже колена, чтобы и ножки было видно, и чтобы соответствовало представлениям о женственности и красоте. После того, как велосипедистки одели штаны-блумеры, брюки уже завоевали всех.

Мужская мода традиционно притягивает к себе женщин. А женщина в мужской одежде возбуждает мужчин. Это использовали кототки во Франции, одевая мужские костюмы, чтобы привлечь хладющего любовника.

Я ношу брюки и чувствую сексуальность этой одежды. Я чувствую себя в брюках гораздо более привлекательной, чем в юбке.

Но странно, что противоположное совершенно не эротично. Мужчина в женском платье не кажется мне привлекательным. И даже классический мужской наряд горцев-шотландцев меня не возбуждает. В шотландке мужчина становится уродливым и нелепым. Соотношение женской одежды — короткий жакет, короткая юбка и ноги — толстит мужчин. И любой мужчина, даже очень красивый и стройный, становится коротконогим и непривлекательным. Сейчас в Большом театре поставили знаменитый романтический балет "Сильфиды" (балет, который, впервые встав на пьюты, исполнила Мария Тальони в 1832 году). В этом балете главный герой — шотландский юноша. Юношу танцует самый красивый наш танцовщик Филип, но он все равно кажется коротконогим и кривоногим, хотя с пропорциями у него все отлично.

Когда мужчина одевает женскую одежду, ясно, что наступает переверсия. То же происходит и с женщиной в мужской одежде. Но сейчас это уже стерто.

— Елена, как менялись ваши убеждения, ведь вы общались со многими кутюрье?

няла, что в моде никто никому ничего не должен.

Во-вторых, я узнала, что человек может следовать каким-то собственным идеям в моде. Он, конечно, должен быть информирован и следить за тенденциями. Но и в основных направлениях можно найти очень уютный для себя уголок. Вот то, что я делаю сейчас. Я теперь для вдохновения чаще смотрю на себя в зеркало, чем в журнал мод. Я ношу вещи по многу лет, почти ничего не выкидывая и просто всякий раз по-новому комбинирую.

Я придумываю костюмы себе сама. Подбираю одежду и обувь под какую-то новую идею. Вот сейчас мне очень нравится мужская одежда эпохи Ренессанс. Женскую я просто не могу себе позволить — платье из парчи некуда носить. Я одеваю узкие брюки, широкие куртки и пышные блузы. Стиль Ромео для осени и зимы. Чтобы найти обувь, я сначала иду в лондонскую национальную галерею и смотрю картины раннего Возрождения. Цвета, пропорции кафтан, потом под этот короткий кафтан я куплю себе куртку из замши и пару кофт в тех же пропорциях и силуэтах. Но сперва я смотрю, какую они носили обувь. В раннем средневековье — неудобные ботинки с длинными носами, потом — короткие полусапожки. Я игнорирую длинные носы и выбираю подходящую обувь.

Так, в этом сезоне я женщина в стиле Ромео. Я, конечно, не пойду в такой одежде на прием, свадьбу или бал... — А что танцуют на балах в этом сезоне? — В этом сезоне модно танго. Я умею танцевать, я даже год как-то прозанималась в школе при ансамбле Моисеева... Я очень люблю вальс и танго.

Танго — это завораживающий танец, и он дает телесный контакт. Танго пришло из борделей Аргентины, и это действительно неприличный танец! Это танец, когда мужчина осваивает женщину, а женщина мужчину. Танец — это секс.

Танец современный — без телесного контакта — говорит об отчуждении, когда человек даже не смотрит на партнера. Такие танцы я не танцую. В этом, вероятно, есть что-то от шаманства и транса, но меня это все равно не привлекает. Транс для меня — и хорошая музыка, и приятная обстановка торжественного вечера (я не каждый день хожу на балы), и шелковое платье, и духи, которые я выбираю в этот вечер.

Сейчас у меня, к сожалению, застаиваются роскошные вечерние духи "Шалимар" для роковой женщины, которая должна прийти в золотой кольчуге с жадными очами.

— Вы считаете себя роковой женщиной?

— Я люблю поиграть в роковую женщину, а иногда тихо и скромно сижу дома.

У меня есть наряд, его можно назвать "Медя". Его мне подарил мой хороший друг, французский стилист. Он был невероятно талантливым: и моделировал одежду, и занимался архитектурной фотографией, и ментал был архитектором. Одну из моделей он подарил мне. Это платье из замши. По его замыслу, это два несшитых полотнища замши, которые драпируются широким шелковым поясом. Но пояс я уже использовала на шапку в стиле ковчегов, и у меня остался только кусок рваной замши. Тут меня вдохновил пример платьев Версаче, где он специально разрезает ткань, а потом закалывает булавами. И я решила, что в ближайший экстравагантный выход я надену платье "Медя" (оно черное, кровавое, роковое), не буду драпировать талию, а просто скреплю в удобном месте булавами. Это платье можно носить в любом возрасте, в нем есть образ трагической женщины, которой нанесена обида, и она готова отомстить, я таких эмоций не испытываю, но образ Медя меня завораживает.

Еще у меня есть комбинированное полупрозрачное платье в стиле французского монаха. Белая накидка с капюшоном и впереди черный клин. Этот черный клин не позволял мне надевать белое белье, а само белое полотно не позволяло надевать черное белье. Я вынуждена была носить это платье без белья. В таком платье я отмечала свой день рождения в ресторане, пригласив всех своих мужчин. И я сделала это спокойно не потому, что я растленна и растощена, а просто одес-